

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

К 20-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ АКАДЕМИКА Н. И. ТОЛСТОГО

Никита Ильича Толстой (1923–1996) — крупнейший отечественный филолог-славист, работавший в нескольких областях славистической науки — истории старославянского и церковнославянского языка, истории славянских литературных языков, сравнительной славянской лексикологии и семасиологии. В огромном научном наследии Н. И. Толстого работы по ономастике занимают сравнительно небольшое место. Следует прежде всего вспомнить его книгу «Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды» (1969), хотя и не посвященную ономастике в прямом смысле слова, но имеющую ближайшее отношение к топонимии и микротопонимии. Из собственно ономастических работ можно указать несколько не утративших своего значения статей.

Заметки о славянских именах собственных и их транскрипции // Топономастика и транскрипция : сб. статей / ред. С. Г. Бархударов и др. — М. : Наука, 1964. — С. 103–121.

Еще раз о «семантике» имени собственного // Актуальные проблемы лексикологии : тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции (17–20 июня 1970 г.) / отв. ред. А. Е. Супрун. — Минск : Изд-во БГУ, 1970. — С. 200–201.

О возможности применения понятия «семантический регистр» в ономастике // *Onomastica Jugoslavica*. — 1982. — Vol. 9. — P. 137–144.

Блаже — *Макарий* // Македонски јазик — 1981–1982. — XXXII–XXXIII. — С. 677–687.

Этюды по семантике славянских географических терминов (*дрезга, рудина, раменье*) // Славянское и балканское языкознание. Проблемы лексикологии : сб. статей / отв. ред. Л. Н. Смирнов. — М. : Наука, 1983. — С. 112–133.

Десна — ‘dextra’? // Вопросы русского языкознания. — М., 1984. — Вып. 5. — С. 189–223.

Иван — аист // Славянское и балканское языкознание. Язык в этнокультурном аспекте : сб. статей / под ред. Н. И. Толстого. — М. : Наука, 1984. — С. 115–118.

Слово в сакральном тексте (ритуале): сербск. *Весел(ица)* — *Рад(ован)* // Международный симпозиум по проблемам этимологии, исторической лексикологии и лексикографии : тезисы докладов (Москва, 21–26 мая 1984 г.) / отв. ред. О. Н. Трубочев. — М. : Наука, 1984. — С. 96–97.

Из наблюдений над способом номинации в гидронимии («Семантический регистр» в апеллятивной и гидронимической лексике) // Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах [Виноградовские чтения. XIV–XV] : сб. статей / ред. Н. Ю. Шведова, В. В. Иванов, М. В. Ляпон. — М. : Наука, 1987. — С. 23–32.

Мифология имени собственного // Всесоюзная научно-практическая конференция «Исторические названия — памятники культуры»: тезисы докладов и сообщений (17–20 апреля 1989 г.). — М.: СФ культуры, АН СССР, 1989. — С. 84–85.

«Останавливающие» имена и их магические функции // Балканские чтения. 3. Лингво-этнокультурная история Балкан и Восточной Европы: тезисы и материалы симпозиума / ред. Н. П. Гринцер, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян. — М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. — С. 74.

Имя в контексте культуры // Проблемы славянского языкознания. Три доклада к XII Международному съезду славистов: сб. статей / отв. ред. О. Н. Трубачев. — М.: Институт славяноведения РАН, 1998. — С. 88–125. (В соавт. с С. М. Толстой).

Как видно из приведенной библиографии ономастических работ Н. И. Толстого, он интересовался вопросами ономастики на протяжении всего своего научного пути. Об этом интересе свидетельствует и обширное собрание ономастических журналов, словарей и исследований, изданных в разных странах, особенно в славянских, в его личной библиотеке, а также его обзоры и рецензии отечественных и зарубежных работ по ономастике.

Основная литература по топонимике Югославии // Иностранная литература по топонимике: библиографический обзор / под ред. В. А. Никонова и А. Г. Симоновой. — М.: Книга, 1965. — С. 28–34.

Из истории собирания и исследования славянской (преимущественно русской) географической терминологии // История топонимики в СССР: тезисы докладов / АН СССР; Моск. филиал Геогр. о-ва СССР; Ин-т рус. яз.; Ин-т географии. — М.: [б. и.], 1967. — С. 14–17.

О славянских областных словарях географических терминов // Топонимика. — 1967. — Вып. 2. — С. 5–8.

К проблеме изучения славянских местных географических терминов // Местные географические термины / отв. ред. Е. М. Поспелов, Н. И. Толстой. — М.: Мысль, 1970. — С. 46–53. (Вопросы географии. Сб. 81).

[Рец. на кн.:] Jurkowski M. Ukraińska terminologia hydrograficzna. — Wrocław etc.: Wyd-wo PAN, 1971. — 240 s. // Вопросы языкознания. — 1972. — № 5. — С. 136–142.

Ниже публикуется отзыв Н. И. Толстого, выступившего в качестве официального оппонента на защите докторской диссертации Л. П. Калакуцкой «Словоизменение антропонимов в русском литературном языке»¹. В этом отзыве, выдержанном в несколько необычной для нас свободной манере, затронуты вопросы теоретического и практического характера, остающиеся актуальными и в наши дни (зависимость словоизменения от письменной и устной формы речи; от жанра текста, в котором выступает имя; от языка-источника или посредника

¹ Лариса Павловна Калакуцкая (1930–1994) — известный филолог, на протяжении многих лет сотрудник Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, автор монографии «Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке» (М.: Наука, 1984; переиздана в 2009 г. издательством «Либроком»), участник многих коллективных трудов и справочных изданий по русскому языку.

для заимствованного имени; различие между формами единственного и множественного числа фамилий и др.).

Отзыв написан 30 января 1982 г. и печатается по рукописи, сохранившейся в домашнем архиве автора. Подготовка к печати С. М. Толстой.

ОТЗЫВ

о докторской диссертации Л. П. Калакуцкой

«Словоизменение антропонимов в русском литературном языке»

Л. П. Калакуцкая начинает автореферат диссертации словами: «Словоизменение антропонимии представляет собой языковую область, никогда и никем не описанную. Лингвисты, занимающиеся словоизменением апеллятивной лексики, не включают ономастическую лексику в свои исследования. Лингвисты, занимающиеся проблемами ономастики, как правило, оставляют вне поля конкретного внимания вопросы ономастической грамматики» (автореферат, с. 1). Заявление это применительно к русскому языку вполне справедливо и ничуть не преувеличено. В этом заключается безусловная новизна исследования, его широкомасштабность и актуальность. Что касается практического значения рецензируемой работы, то оно также очень широко и бесспорно. Достаточно вспомнить о нуждах многочисленных канцелярий, ЗАГСов, паспортных столов, нашей массовой печати, где царит в написании и передаче русских и особенно иностранных фамилий неразбериха и произвол. Теоретические же положения автора исходят индуктивно из большого фактического материала, опираются в значительной мере на узус и будут более полно мною охарактеризованы в дальнейшем изложении отзыва.

Исследование Л. П. Калакуцкой направлено на анализ антропонимического словоизменения в современном русском литературном языке. Слово «современный» требует некоторого пояснения. Базовым материалом послужили тексты, относящиеся к 60-м, 70-м и 80-м годам нашего века. Что касается ситуации в русском литературном языке XIX в. и самого начала XX в., то она рассматривается отдельно, в части 1-й. Такой раздельный анализ следует признать вполне закономерным и уместным, так как он позволяет читателю сравнивать два синхронных среза, два несколько различных состояния русской антропонимической грамматики.

Небольшой по объему очерк антропонимической словоизменительной нормы в XIX в. основан на любопытных литературных источниках и мемуарах, а также письмах и дневниках А. С. Пушкина, П. А. Вяземского, А. К. Толстого, С. П. Жихарева и др. Особый интерес представляет анализ антропонимического слоя в воспоминаниях «Рассказы бабушки» Дмитрия Благово. Здесь справедливо отмечается большое влияние морфологического типа фамилий на *-ов* при некоторой его необязательности, факультативности, устойчивая несклоняемость

фамилий, оканчивающихся на *-о*, *-е* ударные, преимущественно французских фамилий типа *Руссо*, *Мирабо* и русских типа *Живáго*, *Мертвáго*, что сохранилось до нашего времени, затем склоняемость заимствованных фамилий, оканчивающихся на *-а* неударное, и польских фамилий на *-ски*, *-цки* в зависимости от того, воспринимаются они как польские (*resp.* немецкие, македонские) или восточнославянские. Во втором случае наблюдается то же положение, что и в XIX в., а в первом — колебания, о которых речь еще пойдет ниже. В этом же разделе, на мой взгляд, удачно Л. П. Калакуцкая, ссылаясь на В. В. Виноградова, отмечает, что первый период развития национального русского литературного языка с конца XVIII в. и до конца XIX в. был ориентирован на живой разговорный язык образованного общества, а уже во второй половине XIX в. началась ориентация литературного языка на письменную форму, на орфографическую норму, и если в начале и середине XIX в. парадигмы некоторых типов зависели от их произношения, то к концу XIX столетия склонение антропонимов определяется уже орфографическим обликом флексии.

Во второй части диссертации, посвященной состоянию языка 2-й пол. XX в., излагаются специфические для антропонимической нормы явления, к которым относятся: первое, соотношение морфологического рода и реального пола носителя фамилии и имени и его роль в формировании парадигм (антропонимы на согласный, на *-о*, *-е* и на *-а*), второе, взаимосвязь парадигм мужской и женской фамилии как особый феномен антропонимического словоизменения и, наконец, что можно назвать самым главным и в то же время самым спорным, — третье: отношение различных парадигм и их вариантов к норме и основные тенденции, проявляющиеся в норме. При этом во многих случаях норму следует понимать в кавычках, так как фактически ее нет, она по сравнению с 1-й пол. XIX в. оказывается сильно расшатанной, плохо организованной, а иногда и внутренне противоречивой под влиянием экстралингвистических моментов, о которых речь опять-таки будет идти ниже.

Эта ситуация в значительной степени затрудняет положение диссертантки, которая с присущим ей внутренним хладнокровием и даже с некоторой педантичностью знакомит читателя с положением дел в связи со склонением фамилий а) совпадающих с апеллятивами, б) оканчивающихся на *-ов*, *-ин*, в) оканчивающихся на *-их*, *-ых*, г) типа *Бабий*, *Хорунжий*, *Белой*, *Багряна* и т. д. Отдельно рассматриваются проблемы, связанные с морфологическим оформлением и словоизменением польских и чешских фамилий (на *-ский*, *-цкий*, *-ек*, *-ец*, *-ок*). Можно отметить, что по тому же польско-чешскому образцу передаются и некоторые южнославянские фамилии.

Нетрудно заметить, что в диссертации анализу подвергнут огромный пласт собственных имен — современных русских фамилий, часто употребляемых в письменной и живой речи, пласт очень разнообразный и подвижный в связи со все более развивающимися международными связями и ростом информации,

в связи с активным процессом взаимодействия разных этнических групп и языков в нашей стране.

Л. П. Калакуцкая справедливо отмечает тенденцию к все большей несклоняемости ряда типов фамилий, вызванную как влиянием несклоняемых женских фамилий типа *Шварцкопф*, *Гард*, *Каплан* или *Дарьё*, *Курсель*, так и «полусклоняемых» или неустойчиво склоняемых мужских типа *Чикобава*, *Забела*, *Лорка*, *Вавра*, *де Сика* и т. д. Большой удачей автора можно считать наблюдения над типом склонения (или несклонения), над колебаниями в формах отдельных конкретных фамилий (*Мнишек*, *Грицевец*, *Огинский* и др.). Интересны отдельные наблюдения Л. П. Калакуцкой над связью антропонимического словоизменения с характером ударения и многосложностью или односложностью основы, над внутренними сдвигами, нарушающими сложившуюся систему под влиянием продуктивных моделей, над ввелингвистическими факторами, в первую очередь над общественным фактором и его разновидностями.

Все это побуждает меня как официального оппонента еще раз отметить, что диссертация Л. П. Калакуцкой дает достаточно полную и ясную картину современного русского антропонимического словоизменения (фамилии), выявляет разные типы словоизменительных парадигм и их соотношение, а также показывает процесс довольно медленной эволюции всей русской антропонимической словоизменительной системы за два столетия — с конца XVIII в. до последней четверти XX в. Вся работа по сбору, упорядочению, классификации и интерпретации фактов проделана самим автором, и притом проделана впервые. Л. П. Калакуцкая не знала предшественников, и в этом ее преимущество и в выборе метода, и в выборе материала, но, с другой стороны, и большая трудность, хотя бы в отношении объема работы, не говоря уже о всех последовательных ее этапах. Очень ценно применение метода сравнительного исследования, обращение к польскому и чешскому материалу, которое сделано на хорошем славистическом уровне. Таким образом, диссертантка на основе самостоятельной и оригинальной работы и выработанного ею метода исследования определила новое направление в области русской ономастики и решила или наметила решение ряда крупных научных проблем, имеющих немалое практическое значение. Все это не оставляет сомнения в том, что Л. П. Калакуцкая заслуживает искомой степени доктора филологических наук.

Таков итог моего критического анализа и изложения итогов работы и ее фактических сторон. Анализ некоторых спорных положений и моментов, недостатков и «недостаточностей», т. е. известной неполноты описания или фактов, приводит меня к аналогичному выводу, к выводу, что автор исследования заслуживает искомой степени доктора наук, а спорные положения и моменты вкуче с недостатками, даже если они будут приняты, ни в коей мере не разрушают общего здания диссертации, ее общих выводов и результатов исследования. Все они касаются частных, рекомендаций, вариантов описания и т. п.

Перехожу, однако, к возражениям, которые я намерен излагать кратко и не всегда с внутренней последовательностью и связью, а подряд.

Первое. На мой взгляд, следовало четче и резче проводить грань между письменной формой языка и устной речью и уделить последней больше внимания, не снимать ее со счетов, как это делается в ряде разделов диссертации. При таком положении и сами тенденции выступили бы в ином свете. Они могут оказаться разными в устной форме и в письменной форме для отдельных типов антропонимических словоизменительных парадигм. Так, если взять предложенный Л. П. Калакуцкой пример (с. 255), иллюстрирующий тенденцию «любым способом отличать фамилию от соответствующего апеллятива», — *в городе Борисове высится обелиск-памятник героям Советского Союза лейтенанту П. Раку и сержантам А. Петряеву и А. Данилову* (Изв. 1.VII. 1969), то станет ясно, что «стремление отличить фамилии от соответствующих апеллятивов проявляется в несклонении этих фамилий» только в письменной речи, в то время как в устной речи оно не обнаруживается (*Я был в гостях у Рака, Мы ходили гулять с Раком, Отдай деньги Раку*). Немаловажным моментом в рассматриваемом примере оказывается приложение *лейтенанту*, без которого и в письменной речи несклоняемость была бы невозможной. Если обратиться к другому, далеко не аналогичному примеру с известной фамилией *Чикобава* (с. 180) и к подобным грузинским фамилиям на *-а*, то здесь, по мнению диссертантки, тенденция к несклоняемости «дополняется экстралингвистической причиной — известным нежеланием грузин склонять грузинские фамилии в русском языке». Я не буду сейчас останавливаться на причинах, а укажу только, что и здесь есть большое различие между письменной и устной формой сообщения. В устной форме, естественно, скажут *Без Чикобава мы не сразу выбрались из беды* или *Это только Чикобава удалось добраться до верха* и уж давно *Такое дозволено только Чикобавам, а не разным Ивановым, Петровым, Сидоровым*, в письменной же форме допустимы такие примеры, которые приводит диссертантка: *А. С. Чикобава известно не менее других, что нет искусственных литературных языков* (Л. А. Булаховский. ВЯ. 1966. № 1). Так писал Булаховский, а читал, вероятно, *Арнольд Степановичу Чикобава известно не менее других...* Возможно и чтение *Арнольд Степановичу Чикобава известно не менее других...*, но совершенно невозможно *Арнольд Степанович Чикобава известно не менее других...* Один член синтагмы должен склоняться. В русском языке при сочетании имени и отчества обязательно склоняется отчество — оно ближе к конечной флексии. Примеры с различием устной и письменной речи в отношении склоняемости и несклоняемости можно сильно умножить, но сейчас важно обратить внимание на еще один момент, подчеркнутый мною в примерах. Помимо устной и письменной сферы следует учитывать не только парадигматику (словоизменение русского антропонима — фамилии), но и синтагматику (*лейтенант Рак, Арнольд Степанович Чикобава*).

Второе. Помимо устной и письменной речи в пределах той и другой, и особенно в пределах письменной речи, нужно различать жанр. Объявление о разводе или объявление о защите (а таких примеров много в диссертации) — это не то же, что частное любовное письмо, мемуары или, скажем, рассказ. В этих объявлениях паспортно-канцелярский стиль, боящийся пуще всего отступить от буквы паспортной записи. Чтобы не менять букв, не отступать от них, лучше не склонять вообще. Об этом будет речь идти далее, а пока скажу, что не очень удачно для целей сравнения в XIX в. выбраны мемуары, письма и т. п., а в конце XX в. — объявления, газетные сообщения и т. п. Были газеты и в XIX в., и можно было в них заглянуть. Я думаю, что и раньше и теперь существовали и существуют различия в тенденциях по жанрам.

Третье. В связи со сказанным жаль, что в работе никак не привлечена статистика, даже самая простая, арифметическая.

Четвертое. Тенденции к несклоняемости в «паспортном стиле» обнаруживались и вообще в топонимике, прежде всего в приказах Верховного Главнокомандующего во время минувшей войны. Например: *Наши войска, развивая наступление, овладели городом Белград* (а не *Белградом*) и т. п. Хотя в устной речи было и осталось *овладели Белградом*. Характерно, что этот стиль проник и в устные сообщения, подражающие письменным приказам и распоряжениям. В московской электричке, идущей с Савеловского вокзала, можно услышать: *Граждане пассажиры! Наш электропоезд следует до города Дубна со всеми остановками, кроме...* Такой гиперизм по-болгарски называется «свѣрхстарателност». Полагаю, что Л. П. Калакуцкой следовало обратить внимание на аналогичные тенденции в топонимике в определенных «жанрах». Так создается не норма, а специальная «антинорма» (типа *кóмпас* и *компáс*). Не относятся ли диссертанткой некоторые явления специализации к общей тенденции?

Пятое. Хотя в нескольких местах диссертации указывается на фактор *своего* и *чужого*, этот фактор недостаточно учитывается при определении мотивов, ведущих к склоняемости или несклоняемости конкретного антропонима, бытующего в русской среде или упоминаемого в русском тексте. При этом безразлично, какой *чужой* язык является языком-передатчиком или имеется в виду. Тот же жанр или закон паспортизации заставляет канцеляристов писать на зачетке русской девушки Наташи Петровой, родившейся в Париже и приехавшей из Парижа учиться в Москву, русскими буквами *Натали Петрофф*. Это *Натали Петрофф*, естественно, и не склоняется, но оно сигнализирует, что речь идет о русской, но не из России (французской подданной, так как написание два *f* — французская традиция), но находящейся в России (так как написано русскими буквами). Эта Натали Петрофф — этимологически русская, а орфографически и отчасти фонетически (*Натали*) — француженка. Я писал о подобных ситуациях (*Андрей Альбинович Мазón*) и должен сказать, что здесь опять-таки не тенденция, а определенная ситуация. Точно так же, если нам захочется представить Набокова

нерусским писателем, на что есть некоторые основания, мы можем сказать: *Некоторые книги господина Набоков не лишены интереса.*

Ш е с т о е, связанное с предшествующим, пятым. Следовало бы точнее дифференцировать иностранные фамилии, бытующие в России или в современной русской прессе, определяя, уточняя, упоминая их язык-источник и возможный язык-посредник. Так, во фразе *Я ему говорил о Ранке* неясно, каков именительный падеж — *Ранк, Ранке, Ранко* или *Ранка*, и в зависимости от именительного падежа они склоняются или не склоняются. Но не только от этого, а еще от того, является ли *Ранке* немецкой фамилией (хотя и славянского, может быть, происхождения) или славянской. Немецкая фамилия, как известно, не склоняется, а славянская склоняется. Так же ведут себя фамилии на *-ски, -цки*, которые могут быть разного происхождения и из разных языков. В диссертации среди польских фамилий на *-ски* рассматриваются македонские и болгарские (*Толовски, Теразийски, Анастасовски*). Следует учитывать, что польский язык — синтетического типа, а македонский и болгарский — аналитического. В связи с этим мне кажется неудачным введение понятия *европеизм* (*европейский, европейский образец*). Какой европейский образец — аналитический, синтетический? В диссертации в этом случае рассматриваются фамилии-бумеранги типа уже упоминавшейся *Натали Петрофф* (*Владимир Турянски, Кристель Хмельницки, Инче Вишневски*). Это опять специальный случай, который я не случайно называю фамилиями-бумерангами. Скорее это неправильности ретранскрипции.

С е д ь м о е. Жалею, что в диссертации совсем не обсуждаются проблемы транскрипции антропонимов и любая транскрипция принимается как данная и не подлежащая анализу и научной оценке. Здесь опять интересен вопрос с *Натали Петрофф*, который можно поставить в транскрипционную и ретранскрипционную плоскость. Но есть разные транскрипции, уже вошедшие в корпус фамилий, уже не подлежащие изменениям. Возьмем ряд *Пётровска, Пиотровская, Петровская* — все они могут восходить к одному польскому *Piotrowska*. Эта проблема также, хотя и косвенно, связана со словоизменением антропонимов. Фонетический облик слова и фонетическая адаптация требуют большего внимания.

В о с ь м о е. В связи со сказанным следовало бы в некоторых случаях призвать диссертантку к большему вниманию в отношении этимологического статуса слова. Этот вопрос, как и вопрос языкового происхождения фамилии (из какого языка?), не так далек от общей проблемы диссертации, как это может показаться на первый взгляд. Так, едва ли уместно без всяких оговорок в один «апеллятивный ряд существительных, склоняющихся без беглой гласной» ставить *брелок, лжеец, льстец, подлец, человек, дровосек, отсек, припёк, солнцепёк, узбек, штрек, трек, стек, заскок, щелок, войлок, обморок, пророк, экивок*.

Д е в я т о е. Мне кажется максималистским и принципиально неприемлемым положение, выдвинутое диссертанткой на с. 367–368: «Двусмысленность, очень

часто и “многомысленность”, при склонении фамилий недопустима, а между тем она может довольно часто возникать, если не будет взаимовыводимости именительного и косвенных падежей» (то же — автореферат, с. 68, где сказано об «абсолютной взаимовыводимости именительного и косвенных падежей»). Далее следует уже известный пример с косвенным *о докторе Ранке* и о возможных именительных *Ранк, Ранка, Ранек* (я добавлю еще: есть *Ранке* и может быть *Ранок* укр.). Во-первых, у меня вопрос к диссертантке. Какими должны быть косвенные падежи (именительный-то исходный!), чтобы добиться «абсолютной взаимовыводимости» дублетных форм? А как быть с грамматической омонимией? А как выяснить, каков исходный номинативус у генитивуса *сурового ветра* — *суровый ветер* или *суровый ветр*? Такое явление в духе многих языков, в том числе и славянских (ср. сербскую смыслоразличительную систему ударения, которая вообще не отражается на письме: *grād* и *grǎd*). Имя собственное (антропоним) — уникально, и добиться его неуникальности, хотя бы в морфологическом аспекте, едва ли удастся, да и едва ли это необходимо.

Десятое. На с. 40 автореферата утверждается категорически: «не склоняются русские и иноязычные фамилии на *-о* — *Живаго... Шапиро... Прево...* и фамилии на *-ко*», а на с. 262 диссертации менее категорично говорится о том, что в ономастике отсутствует парадигма склонений существительных среднего рода и устанавливается (с конца XIX в. до настоящего времени) несклонение фамилий на *-ко, -енко* украинского происхождения. Л. П. Калакуцкая ссылается при этом на книгу «Русский язык по данным массового обследования» (М., 1974), где сказано: «Несклоняемость фамилий на *-ко* — явление, достаточно прочно завоевавшее позиции в языке, вариантность форм в данном случае очень мала». Но здесь, во-первых, вновь не разграничивается устная и письменная форма русского языка и, во-вторых, что существенно, не учитывается парадигма множественного числа, формы которой не частотны, но почти не поколеблены (*Вчера у нас были Родзянки, Надо сказать об этом Родзянкам, Родзянки тоже едут на пляж* и т. д.). Для фамилий на *-о* существенен и фактор ударения: *Дыбó* — *Ды́бо*.

Отмечу, что некоторая автономность форм множественного числа в славянских языках, например в польском, выражена и словообразовательно и морфологически: *Dulewicz* (муж), *Dulewiczowa* (жена), *Dulewiczowie* (чета). Это соотношение требует своего рассмотрения и на русском материале. Ср. муж. *Герд, Герда, Герду...* женск. *Герд* (несклон.), множ. *Герды, Гердов, Гердам...*

Одиннадцатое и последнее. На с. 52 приводится отрывок из книги И. Л. Толстого «Мои воспоминания» (М., 1913): «Помню я, как папа иногда ездил по делам в Москву... Помню я, как он, вернувшись из Москвы, с восторгом рассказывал мамá, как он был у генерал-губернатора князя Владимира Андреевича Долгорукова, и как князь сказал ему, что когда Таня (которой было в то время лет семь-восемь) вырастет, он устроит для нас бал. Как странно это кажется теперь! И как странно, что Долгорукий свое слово действительно сдержал и Таня была у

него на балу, но это было уже в то время, когда отец пережил свой духовный переворот и от светской жизни и балов ушел безвозвратно» (изд. М., 1969, с. 38). Здесь первый раз выступает родительный падеж *Долгорукова*, а затем именительный *Долгорукий*. Л. П. Калакуцкая видит в этом случае «бессознательную подмену парадигм» (с. 52) — парадигмы на *-ий* и на *-ов*. Но в случае с примером из воспоминаний И. Л. Толстого, как и в ряде других, никакой подмены парадигм нет, а есть лишь архаический примат устной формы над письменной, отразившийся в фонетическом написании *-ова* вместо орфографического *-ого*. О том, что такой примат для XIX в. был характерен, говорилось выше. Здесь скорее допускалась орфографическая вольность, чем смешивалась одна парадигма. Написание *Долгоруков В. А.* трех составителей именного указателя — просто неграмотно.

О прочих мелочах вроде цитирования «В своей голубой пижамэ» вместо «В своих голубых пижама́» я говорить не буду. Не стану полемизировать и с чужими ошибочными мнениями вроде мнения А. А. Реформатского о том, что можно принять написание *Яблоньска* для польских фамилий, *Яблонска* для чешских и *Яблонська* для украинских («Информация о “национальном колорите” дана в написании, и это хорошо!»), остроумно, но непрактично и не в духе русского языка. А каким еще способом в тех же случаях с фамилиями на *-ски* выражать словенский, сербскохорватский, македонский и болгарский колорит? Эти языки у А. А. Реформатского и у Л. П. Калакуцкой полностью остаются вне поля зрения.

Закончим споры. Отметим еще раз актуальность и полезность диссертации. Работа Л. П. Калакуцкой отлично показала неупорядоченность в написании многих иностранных фамилий, сложность всего вопроса, подчас вопиющую безграмотность целой армии корректоров (во многих случаях это не «тенденция», а безграмотность или «тенденция безграмотности»), она хорошо и убедительно показала преждевременность создания русского словоизменительного антропонимического словаря (вероятно, важнее сначала сделать «словарь неправильностей» или рекомендаций), наконец, показала лингвистическую, в первую очередь социолингвистическую, важность рассматриваемой проблемы. Я уверен, что по поднятым Л. П. Калакуцкой вопросам будет еще много работ, появится еще немало исследователей русской антропонимии, которые не смогут пройти мимо широкомасштабного разыскания Л. П. Калакуцкой.

Как уже отмечалось и обосновывалось выше, Л. П. Калакуцкая достойна присуждения ей степени доктора филологических наук. Имеющиеся публикации и автореферат отражают положения, материал и выводы диссертации.

доктор филологических наук,
проф. Н. И. Толстой